

4
ПУТЬ

Родни Коллин

ТЕОРИЯ НЕБЕСНЫХ ВЛИЯНИЙ

Человек, Вселенная
и тайны космоса

Родни Коллин
Теория небесных влияний.
Человек, Вселенная
и тайны космоса
Серия «4 путь»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8614345

Теория небесных влияний. Человек, Вселенная и тайны космоса: Весь;

Санкт-Петербург; 2011

ISBN 978-5-9573-2142-2

Аннотация

Испокон веков люди пытались объяснить место и возможности человека во Вселенной, но до сих пор о внегалактических явлениях нам известно немного. В этой книге Родни Коллин, последователь П. Успенского (основателя учения «Четвертый путь»), представляет новую модель Вселенной. Объединив знания в области астрономии, геологии, биологии, анатомии и психологии, он объясняет законы космоса и открывает тайны связи человека и Вселенной. Автор утверждает, что если человечество «сбросит с себя чары сна» (то есть познает тайные науки и прозреет), оно поймет, как использовать во благо

«интерес» Луны к нему, и сможет предугадывать «действия» космоса.

Содержание

Предисловие	8
1. Строение Вселенной	29
I. Абсолют	29
II. Млечный путь в мире спиральных туманностей	36
III. Солнечная система в млечном пути	49
2. Времена Вселенной	68
I. Отношение между пространством и временем	68
II. Дни и жизни миров	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Родни Коллин Теория небесных влияний. Человек, Вселенная и тайны космоса

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*MAGISTRO MEO qui sol fuit est et erit sistematibus
nostri dicatum*

*(УЧИТЕЛЮ МОЕМУ, который был, есть и
будет солнцем нашей системы, посвящается.)*

*Весь мир шести измерений наполнен Его
щедростью: куда бы ты ни взглянул, везде ты
узнаешь Его...*

Джлалалдин Руми. Маснави. Книга III (Стих 3108)

...Взгляни, как небосвод
Весь выложен кружками золотыми,
И самый малый, если посмотреть,
Поет в своем движеньи, точно ангел,
И вторит юнооком херувимам.
Гармония подобная живет
В бессмертных душах.

Шекспир. Венецианский купец (Акт V, сцена I)(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Весь прогресс, достигнутый усилиями разума, – это лишь уточнение материальных фактов при помощи до смешного несовершенных инструментов, изготовленных большей частью по причине недостаточности наших органов чувств. Каждый двадцать лет какой-нибудь несчастный любопытный, которому его любопытство обычно стоит жизни, открывает, что атмосфера содержит газ, доселе неизвестный, что трением кусочка воска об одежду можно получить неожиданную, необъяснимую и неопределимую силу, что среди бесчисленных неизвестных звезд есть одна, ранее не замеченная, в непосредственной близости от другой, замеченной... Ну, и что из этого?

Наши болезни происходят от микробов? Очень хорошо. Но откуда берутся эти микробы? И что известно об **их** болезнях? А солнца, откуда они появляются

Мы ничего не знаем, ничего не понимаем, ничего

*не можем сделать, ни о чем не догадываемся. Мы
заперты, заточены в самих себе...*

Ги де Мопассан. Дневник. 7 апреля 1888 года

Предисловие

Во все времена люди делали попытки объединить доступное знание и опыт в единое целое, которое объясняло бы место человека во Вселенной и его возможности в ней. Повседневным мышлением они никогда не могли достичь этой цели, поскольку единство вещей непостижимо для обычного ума, в обычном состоянии сознания. Такой ум, отражающий бесчисленные и противоречивые побуждения различных сторон человеческой природы, не может не видеть мир таким же разнообразным и смешанным, каким является сам человек. Единство, общую модель, всеобъемлющий смысл – если он существует – можно познать или пережить только другим умом, в другом состоянии сознания. Постичь его может лишь такой ум, который сам стал единым.

Какое единство осознает, например, даже самый блестящий физик, философ, теолог, который в рассеянности спотыкается о табуретку, злится, когда ему недодают сдачу в магазине, не способен заметить, когда он раздражает свою жену, и вообще пребывает в состоянии будничной слепоты обычного ума, работающего с привычным отсутствием сознания? Любое единство, которого он достигает в таком состоянии, существует только в его воображении.

Поэтому стремление собрать существующее знание в единое целое всегда было связано с поиском нового состояния

сознания. И оно бессмысленно и бесполезно в отрыве от этого поиска.

Можно даже сказать, что несколько дошедших до нас удачных попыток обнаруживают признаки лишь побочных продуктов таких поисков, *увенчавшихся успехом*. Единственные убедительные из всех существующих на свете «моделей Вселенной» оставлены людьми, которые достигли отношения к миру и сознания о нем, совершенно отличных от тех, что принадлежат обычному опыту.

Такие истинные модели должны не только открывать внутреннюю форму и строение Вселенной, но также показывать отношение к ней человека, его настоящее и возможное будущее в ее пределах. В этом смысле некоторые готические соборы являются совершенными моделями Вселенной, тогда как современные планетарии со всей их красотой, знанием и точностью – нет, потому что эта последняя модель полностью упускает из виду человека. Различие, конечно, состоит в том факте, что соборы, прямо или косвенно, были созданы людьми, принадлежавшими к школам достижения высших состояний сознания и имевшими преимущество опыта, полученного в таких школах, тогда как создатели планетариев – это ученые и техники, талантливые и достаточно квалифицированные в своей области, но не обладающие специальным знанием о возможностях человеческой машины, с которой им приходится работать.

В самом деле, если иметь определенные ключи для толко-

вания, то самое удивительное в этих древних моделях Вселенной, разделенных между собой эпохами, континентами и культурами, – это прежде всего их сходство. Хорошим доказательством той идеи, что *высшее сознание всегда открывает одну и ту же истину*, может стать одно лишь сравнительное изучение некоторых существующих моделей Вселенной, которые кажутся происходящими из этого высшего сознания, – например, Шартрского собора, Большого Сфинкса, Нового Завета, «Божественной комедии» или некоторых космических схем, оставленных алхимиками XVII века, создателями колоды карт Таро, а также авторами некоторых русских икон и тибетских символов.

Разумеется, одна из главных трудностей на пути такого сравнительного изучения состоит в том, что все эти модели выражены на разных языках, а для неподготовленного ума иной язык означает иную правду. На самом деле, это характерная иллюзия человеческого ума в его обычном состоянии. Даже небольшое развитие восприятия открывает, что, напротив, один и тот же язык, одна и та же формулировка может заключать в себе диаметрально противоположные значения, тогда как языки и формулировки, на первый взгляд не имеющие ничего общего, на самом деле способны относиться к одной вещи. Например, хотя слова «честь», «любовь», «демократия» используют все, почти невозможно найти двух человек, которые придавали бы им один и тот же смысл. Поэтому различные употребления одного и того же

слова могут быть совершенно несопоставимы. С другой стороны (как бы странно это ни выглядело), Шартрский собор, колода карт Таро и некоторые многорукие и многоголовые бронзовые изваяния тибетских божеств на самом деле являются выражениями *абсолютно одних и тех же идей*, то есть они прямо сопоставимы.

Поэтому здесь необходимо рассмотреть вопрос о языке по отношению к построению модели Вселенной, к описанию схемы единства. В основе своей языки или формы выражения различаются в соответствии с тем, к какой человеческой функции, известной или потенциальной, они обращаются. Например, какая-то идея может быть выражена философским или научным языком (то есть обращаться к интеллектуальной функции человека), религиозным или поэтическим языком (для обращения к эмоциональной функции), ритуалом или танцами (для обращения к двигательной функции) или даже запахами или позами тела (чтобы затронуть инстинктивную физиологию).

Конечно, наиболее полные модели Вселенной, созданные школами в прошлом, имели своей целью совмещение воедино самых различных способов формулирования того, что они желали выразить, – чтобы иметь возможность обращаться к нескольким или всем функциям одновременно и таким образом частично компенсировать противоречие между различными сторонами человеческой природы, о которых мы уже упоминали. В готическом соборе, например, бы-

ли успешно совмещены языки поэзии, поз, ритуала, музыки, запаха, живописи и архитектуры. Нечто подобное, по-видимому, было сделано в драматических представлениях Элевсинских мистерий. К тому же в некоторых случаях – например, в пирамиде Хеопса – язык архитектуры использован не только ради символизма формы этого сооружения, но с целью создать у человека, проходящего через строение по заданному маршруту, совершенно определенный ряд эмоциональных впечатлений и шоков, имеющих некий смысл в самих себе и рассчитанных на то, чтобы открыть человеку его собственную природу.

Все это означает объективное использование языка – то есть применение определенного языка для передачи некоей идеи с заведомым знанием о создаваемом впечатлении, затрагиваемой функции и типе человека, воспринимающем информацию. Но мы должны добавить, что такое использование языка в жизни обычно не встречается (за исключением, может быть, элементарных форм рекламы), и это высшее применение может исходить только (прямо или косвенно) из знания, полученного в высших состояниях сознания.

Помимо форм языка, которые человек воспринимает своими обычными функциями, существуют и другие, происходящие из сверхнормальных функций и обращающиеся только к ним, то есть к функциям, которые в человеке могут быть развиты, но которые он обычно не использует. Например, существует язык высшей эмоциональной функции, в

котором одна формулировка способна передавать – либо одновременно, либо последовательно – огромное число значений. Некоторые из самых прекрасных стихотворений, которые никогда себя полностью не исчерпывают, всегда приносят ощущение свежести и не могут быть поняты до конца, принадлежат, вероятно, к этой категории. Нет сомнения, что Евангелия написаны таким языком, и поэтому каждый их стих 100 людям способен нести *100 различных, но никогда не противоречащих друг другу смыслов*.

В языке высшей эмоциональной функции и особенно в языке высшей интеллектуальной функции символы играют очень большую роль, ибо они основаны на понимании истинных аналогий между большим космосом и меньшим, между формой, функцией или законом в одном космосе, использованных как намек на соответствующие формы, функции и законы в других космосах. Это понимание принадлежит исключительно высшим или потенциальным функциям в человеке; достигая же обычных функций (например, функции логического мышления), оно всегда создает ощущение недоумения и даже подавленности.

Еще более высокие уровни эмоционального языка вообще не нуждаются ни в каком внешнем выражении и поэтому *не могут быть поняты неправильно*.

Данное отступление о языке необходимо для того, чтобы отчасти объяснить форму настоящей книги, поскольку она сама (и это должно быть заранее принято) стремится быть

моделью Вселенной – то есть собранием или схемой всего доступного знания, систематизированного с целью показать некое космическое целое или единство.

Она, по сути, написана научным языком и поэтому обращается в первую очередь к интеллектуальной функции и к людям, в которых эта функция преобладает. Конечно, автор прекрасно понимает, что из всех языков этот язык является самым медленным, самым скучным и зачастую наиболее трудным для восприятия. Язык, скажем, хорошей поэзии, мифов или волшебных сказок намного доходчивее и сумел бы донести эти идеи до эмоционального понимания читателя с гораздо большей силой и быстротой. Позднее, возможно, в этом направлении будет предпринята некоторая попытка.

Вместе с тем читатель, привыкший к научному языку и мышлению, также столкнется здесь с трудностями. Свободное использование аналогий в книге покажется ему несостоятельным. Поэтому, имея в виду такого читателя, лучше заранее как можно полнее объяснить использованный метод и откровенно признать его недостатки.

Одна из главных характерных черт современной мысли – это противоречие между тем, как человек рассматривает окружающий мир, и тем, как он рассматривает мир внутренний.

По отношению к внешнему миру человек крайне объективен и уверен в универсальном применении законов, которые выражаются формулами, и чье действие всегда доступно

измерению. В этой области любой взгляд, несущий сомнение в данном принципе измеряемости (например, мнение о разумности или сознательности существ, превосходящих человека по масштабу), рискует попасть в разряд суеверий.

Что же касается его внутреннего мира, человек редко бывает более субъективным, более уверенным в индивидуальной обоснованности каждого своего каприза, мечты, надежды или страха и меньше всего желает признать, что его внутренний мир подчиняется каким бы то ни было законам. Бóльшая часть современной психологии (особенно психоанализ) основана на данной субъективности. В этой области суеверием, напротив, будет названо мнение о том, что многое в человеческой психологии является результатом вычисляемой взаимной игры типов, или о том, что внутренний мир человека подчиняется законам, подобным тем, что управляют астрономическими или микроскопическими мирами.

Было время (например, раннее средневековье), когда разум считался управляющим принципом в обеих областях. В другие периоды (рационализм XVIII века, допустим) таким принципом являлись неизменные законы. Но, вероятно, никогда не было такого, чтобы существовало настолько вопиющее противоречие между отношениями человека к каждой из них.

Когда мы находим это противоречие в обычной жизни, то есть когда встречаем человека, который судит об окружающем мире по одной мерке, а о себе и своих собственных

действиях – по другой, мы считаем это признаком примитивной и некультурной точки зрения. Но когда это же самое противоречие является характерной чертой всей мысли нашего времени, мы называем это «просвещением» или «освобождением». Мы не видим, что это является причиной такой же слепоты, несчастья, разочарования и морального банкротства, как это было бы в случае отдельного человека.

Одна из целей этой книги состоит именно в том, чтобы постараться снять данное противоречие, то есть увидеть человека и его внутреннюю жизнь с той же точки зрения, с какой мы смотрим на Вселенную, а на нее взглянуть так, как мы обычно смотрим на человека и его внутреннюю жизнь. Если эта попытка отдаст суеверием, то виной этому (по крайней мере, частично) само время, окончательно потерявшее чутье и сбившееся со следа.

В попытке примирить внутренний и внешний мир мы сталкиваемся с весьма реальной трудностью, которая должна быть учтена. Эта трудность связана с проблемой *примирения различных методов познания*.

У человека есть два способа изучения Вселенной. Первый – индукция: он исследует явления, классифицирует их и пытается вывести из них законы и принципы. Это метод, обычно используемый наукой. Второй – дедукция: испытав на себе, обнаружив или открыв некоторые общие законы и принципы, он пытается проследить применение этих законов в различных специальных опытах и в жизни. Это метод,

обычно используемый религией. Первый начинает с «фактов» и пытается получить «законы», второй начинает с «законов» и пытается получить «факты».

Два эти метода принадлежат работе различных человеческих функций. Первый представляет собой метод обычного логического мышления. Второй происходит из потенциальной человеческой функции, которая обычно бездействует за неимением нервной энергии достаточной напряженности и которую мы можем назвать высшей умственной функцией. Эта функция, в редкие случаи своей работы, открывает человеку *законы в действии*, он видит весь феноменальный мир как *продукт законов*.

Все истинные выражения универсальных законов так или иначе происходят из работы этой высшей функции – где-либо и в каком-либо человеке. Вместе с тем, на протяжении долгих периодов времени и культуры, когда такие открытия недоступны, для понимания и применения этих открытых законов человеку приходится полагаться на обычный логический ум.

Фактически, современная наука уже начинает это понимать. Фред Хойл в своей «Природе Вселенной» (1950) пишет: «Методика во всех областях физической науки, будь то теория гравитации Ньютона, теория электромагнетизма Максвелла, теория относительности Эйнштейна или квантовая теория, в основе своей всегда одна и та же. Она состоит из двух ступеней. Первая – это угадать с помощью некого

вдохновения некий ряд математических уравнений. Вторая – связать символы, использованные в этих уравнениях, с измеримыми физическими величинами». Невозможно лучше выразить всю разницу между работой двух этих видов разума.

1. Примеры «научного озарения» даны в приложении I.

Но здесь в человеческом понимании возникает большое затруднение, поскольку эти два разума обычно никогда друг друга не понимают. Между ними существует слишком большая разница в скорости. Как *из-за разницы в скорости* невозможно сообщение между крестьянином, бредущим по дороге с вязанкой хвороста, и автомобилем, проносящимся мимо него на скорости 130 км/ч, так и связь между логическим и высшим разумом обычно невозможна по аналогичной причине. Для логического разума следы, оставленные высшим разумом, будут выглядеть произвольными, суеверными, нелогичными, бездоказательными. Высшему разуму работа логического разума покажется тяжеловесной, излишней и не затрагивающей существа дела.

2. Непримируемость этих двух взглядов на Вселенную и ее причина описаны П. Д. Успенским в «Новой модели Вселенной» (восьмая часть).

Обычно данная трудность преодолевается так: два этих метода держат отдельно друг от друга, дав им разные наименования и обозначив разные сферы применения. Книжки по религии или высшей математике, описывающие зако-

ны и принципы, воздерживаются от метода индукции. Книги научные, представляющие собой собрания фактов, полученных в результате наблюдений, заведомо воздерживаются от предположения законов. И поскольку пишут и читают те и другие книги совершенно разные люди, или одни и те же люди читают их совершенно разными частями своего ума, эти два метода ухитряются сосуществовать без особых трений.

В настоящей книге, однако, задействованы одновременно оба метода. Некоторые великие принципы и законы Вселенной, находившие свое выражение в различных странах во все эпохи, время от времени заново открывавшиеся отдельными людьми в краткие моменты работы высшей функции, прямо принимаются за аксиомы. Из них сделаны выводы, ведущие вниз, в мир явлений, прямо нам доступных (большей частью методом аналогии). Вместе с тем, сделана попытка изучить и классифицировать окружающие нас «факты» и явления и на основе полученных выводов расположить их таким образом, чтобы эти классификации вели вверх, к абстрактным законам, спускающимся оттуда.

В действительности (по той причине, что они происходят из разных функций с большой разницей в скорости) эти два метода никогда не сойдутся полностью. Между приемлемыми выводами из общих законов и приемлемыми заключениями из фактов всегда остается невидимая полоса, где те и другие *могли бы и должны были бы соединиться*, но где это соединение всегда остается невидимым и недоказанным.

Поэтому автор готов признать, что цель этой книги – стремление примирить два метода – может оказаться недосягаема. Он понимает, что такая попытка неизбежно подразумевает некоторую ловкость рук, почти софистику. И он также признает, что эта ловкость рук ни в коем случае не сможет обмануть профессионального ученого, преданного исключительно логическому методу.

В то же время он уверен, с одной стороны, что современная наука, не имеющая основных принципов, движется в направлении ко все более бесполезной специализации и материализму; а с другой стороны, что религиозные и философские принципы, не соотнесенные с научным видом знания, отличающим наше время, сегодня обращены только к меньшинству. Эта уверенность убеждает его пойти на риск. Тех, кто пользуется исключительно логическим методом, никогда не удовлетворят приведенные аргументы, которые – необходимо признать – содержат логические слабости и пробелы. С другой стороны, тем, кто хочет усвоить оба метода, автор надеется предоставить достаточно данных для того, чтобы заполнить этот пробел между миром повседневных фактов и миром великих законов – *для себя самого*.

Эта задачу невозможно решить ни в одной книге, и ни большее количество фактов, ни большее знание, доступное науке обычным путем сейчас или в будущем, не сделает это возможным. Но она может быть решена каждым индивидуально, для доказательства самому себе.

При этом обычному человеку, больше интересующемуся собственной судьбой, чем проблемами науки, можно сказать только, что при более близком знакомстве он, вполне вероятно, найдет эту книгу на самом деле не такой уж «научной», как это способно показаться вначале. Научный язык – это модный язык нашего времени, так же как язык психологии был моден 30 лет назад, язык чувств – во времена Елизаветы, а язык религии – в средние века. Когда людей склоняют к покупке зубной пасты или сигарет при помощи псевдонаучных аргументов или объяснений, то очевидно, что это неким образом связано с ментальностью времени; и значит, истины сейчас тоже должны выражаться наукообразно.

Однако это не должно наводить нас на мысль, что научный язык использован как маска, как орудие притворства или фальсификации. Все приведенные объяснения – настолько, насколько они поддаются проверке, – истинны и соотносятся с действительными фактами.

3. Даже «факты», однако, не священны. Из двух признанных ученых в книгах, опубликованных в Англии в одном и том же году (1950), один устанавливает как факт, что Луна удаляется от Земли, а другой с той же категоричностью утверждает, что она приближается.

Самое главное, что использованные принципы можно с той же точностью применить к любой другой форме человеческого опыта, с аналогичными или еще более интересными результатами. И эти принципы важнее наук, к которым они

применяются.

Откуда исходят эти принципы? Прежде чем ответить на этот вопрос, я должен выразить чувство глубокой благодарности одному человеку и отчасти объяснить происхождение этого чувства.

Впервые я встретил Успенского в сентябре 1936 года в Лондоне, где он читал частные лекции. Эти «лекции» касались необычной системы знания, совершенно не похожей на что-либо, с чем я до этого сталкивался, полученной им от человека, которого он называл «Г.»¹. Эта система, однако, была не нова: напротив, говорилось, что она является очень древней и в скрытой форме существовала всегда, а ее след время от времени различим на поверхности истории то в одном облике, то в другом. Хотя она объясняла невероятно многое о Вселенной и человеке из того, что казалось до этого совершенно загадочным, ее единственным назначением было – как постоянно подчеркивал Успенский – помочь отдельному человеку *пробудиться до другого уровня сознания*.

От любых попыток использовать данное знание для иных более обычных целей он отговаривал или прямо это запрещал.

Однако несмотря на поразительное совершенство этой системы самой по себе, невозможно было полностью отделить ее от бытия того человека, что излагал ее, – то есть от са-

¹ Под «Г.» Успенский подразумевал Георгия Ивановича Гурджиева, философа-мистика, бывшего его учителем. – Примеч. ред.

мого Успенского. Когда кто-либо другой пытался объяснять эту систему, она дегенерировала, странным образом теряла в качестве. И хотя никто не мог полностью нейтрализовать огромную силу идей самих по себе, было ясно, что системе нельзя брать отдельно от человека, обладающего вполне определенным, совершенно необычным уровнем сознания и бытия. Ибо только такой человек мог вызвать в других фундаментальные изменения понимания и отношения к миру, которые были необходимы, чтобы уловить ее смысл.

Эта система, в чистой и абстрактной первоначально данной форме, для всех описана самим Успенским в его книге «В поисках чудесного». Кто желает сравнить изначальные принципы с излагаемыми здесь выводами, поступят правильнее, если сперва прочтут книгу Успенского. Тогда они смогут судить, обоснованно ли такое применение и развитие этих идей. Более того, с их точки зрения, они *обязаны* будут судить об этом.

Что касается меня, в то время я был на распутье и при первой возможности в личной беседе сказал Успенскому – в его переполненных людьми маленьких комнатках на Гвендир-Роуд – что по натуре своей я писатель, и спросил его совета о путях, которые тогда передо мной открывались. Он сказал очень просто: «Лучше не быть слишком связанным. Позже мы найдем, о чем вам написать».

Настолько было велико то странное доверие, которое внушал Успенский, что этот ответ показался полным решением

моей проблемы – или, лучше сказать, я почувствовал, что больше не должен об этом беспокоиться, я был от этого избавлен. И на самом деле, в результате этой беседы я более 10 лет практически ничего не писал. Было слишком много других дел. Но в конце концов Успенский сдержал свое обещание. Черновик этой книги был закончен за два месяца до его смерти, в октябре 1947 года, как прямой результат того, что он стремился достичь и показать в то время. Позднее, после его смерти, была написана и вторая книга, которая начинается с того, на чем заканчивается эта.

Все эти 10 лет Успенский разъяснял нам бесчисленным количеством способов – теоретических, философских и практических – различные стороны системы. Когда я пришел к нему впервые, с ним уже было много людей, которые у него учились. Сами, на протяжении 10 или 15 лет стремясь достичь указанной им цели, они могли помочь такому новичку, как я, многое понять о том, что возможно и что невозможно. Успенский неустанно объяснял, неустанно открывал нам глаза на наши иллюзии, неустанно указывал путь – однако так тонко, что если кто-то еще был не готов понять, то уроки проходили мимо этого человека, и только через несколько лет он мог вспомнить этот случай и понять, что ему демонстрировалось. Возможны и более грубые методы, но они способны оставить трудно заживающие раны.

Успенский никогда не работал для настоящего момента. Можно даже сказать, что он не работал для времени – он

работал только для возвращения. Но это требует более подробного объяснения. В любом случае, совершенно очевидно, что он работал и планировал работу с абсолютно другим чувством времени, чем у всех нас, хотя для тех, кто нетерпеливо требовал от него помочь им достичь результатов быстрее, он обычно говорил: «Нет, время – это фактор. Нельзя его не учитывать».

Так проходили годы. И хотя на самом деле очень многое было достигнуто, часто нам казалось, что Успенский далеко впереди нас, что у него есть нечто, чего нет у нас, нечто, что делало некоторые возможности для него практически, оставляя их для нас лишь теоретическими, и чего, несмотря на все его объяснения, мы не могли достичь и не понимали, как это сделать. Казалось, не хватает какого-то существенно-го ключа. Позже этот ключ был показан. Но это уже совсем другая история.

Во время войны Успенский уехал в Америку. В связи с необычайным раскрытием возможностей, которое проходило под видом «лекций», я вспомнил, что около 1944 года в Нью-Йорке он дал нам задачу, которая, как он сказал, будет для нас интересна. Этой задачей было «классифицировать науки» в соответствии с принципами, объяснявшимися в системе; классифицировать их *в соответствии с мирами, которые они изучают*. Он обратился к самой последней классификации наук – Герберта Спенсера – и сказал, что хотя она интересна, но не вполне удовлетворительна ни с нашей

точки зрения, ни с точки зрения настоящего времени. Своим друзьям в Англии он также писал об этой задаче, и только несколько лет спустя, когда эта книга была почти полностью закончена, я понял, что на самом деле она является одним из возможных ответов на задачу Успенского.

Успенский вернулся в Англию в январе 1947 года. Он был стар, болен и очень слаб. Но было в нем что-то еще. Он был другим человеком. Так мало осталось от той сильной, эксцентричной, блестящей личности, которую его друзья много лет знали и любили, что многие, встречая его вновь, были шокированы, сбиты с толку или получили еще одно понимание того, что возможно на пути развития.

Ранней весной 1947 года Успенский устроил несколько больших встреч в Лондоне со всеми теми людьми, которые слушали его раньше, и с другими, кто никогда его не слышал. Он говорил с ними совершенно по-новому. Он сказал, что отказался от системы. Он спросил их, чего они хотят, и сказал, что только с этого можно начинать на пути самовоспоминания и сознания.

Трудно передать произведенное впечатление. В Англии до войны на протяжении 20 лет Успенский почти ежедневно объяснял систему. Он говорил, что все должно быть соотнесено с ней, что все вещи могут быть поняты только по отношению к ней. Для тех, кто слушал его, система представляла собой объяснение всех трудностей, указывала путь ко всему хорошему. Ее слова и язык стали им ближе, чем родной

язык. Как они могли «отказаться от системы»?

И, тем не менее, те, кто слушал с положительным отношением то, что он хотел сказать, почувствовали, что с них как будто сняли тяжкую ношу. Они поняли, что на пути развития истинное знание должно быть сначала усвоено, а затем отброшено. Что именно то, что позволяет открыть одну дверь, мешает открыть следующую. И некоторые из них впервые начали понимать, где находится тот незамеченный ими ключ, который мог впустить их туда, где был Успенский, но не было их.

Затем Успенский удалился в свой деревенский дом, очень мало виделся с людьми, с трудом разговаривал. Единственное, что он тогда демонстрировал (теперь уже в реальности и в молчании), – это то изменение сознания, теорию которого он объяснял много лет.

Здесь невозможно рассказать всю историю последующих месяцев. На рассвете одного сентябрьского дня, за две недели до своей смерти, Успенский, после какой-то странно долгой подготовки, сказал нескольким друзьям: «Вы должны начать все заново. Вам необходимо новое начало. Вы должны перестроить все для себя – с самого начала».

Это и было истинным смыслом «отказа от системы». Каждая система истины должна быть отвергнута для того, чтобы ее можно было вырастить заново. Успенский освободил их от одного-единственного выражения истины, которое могло превратиться в догму вместо того, чтобы расцвести сотней

живых форм, влияющих на все стороны жизни.

Важнее всего то, что «перестройка всего для себя», очевидно, означала «перестройку всего в себе», то есть действительное создание в себе понимания, возможного благодаря системе, и достижение цели, о которой он говорил, – *действительное и постоянное преодоление старой личности и приобретение совершенно нового уровня сознания.*

Таким образом, если эту книгу считать некой «перестройкой», то это лишь внешняя перестройка – так сказать, представление всех идей, которые были нам даны, в отдельной форме и отдельным языком. Несмотря на ее научный вид, она не имеет значения как собрание научных фактов или даже как новый способ представления этих фактов. Все значение, которое она имеет, состоит в том, что она происходит (хотя через вторые руки) из действительных восприятий высшего сознания, и в том, что она указывает путь, которым к такому сознанию можно приблизиться.

Р. К.

Лин, август 1947 года

Тлалтам, апрель 1953 года

1. Строение Вселенной

I. Абсолют

Человек может представить себе Абсолют философски. Такой Абсолют будет включать в себя все возможные измерения как времени, так и пространства. То есть он будет включать в себя не только всю Вселенную, которую человек способен воспринять или вообразить, но и все другие аналогичные вселенные, которые находятся за пределами возможностей человеческого восприятия.

Он будет включать не только настоящий момент всех таких вселенных, но также их прошлое и будущее, что бы это ни означало на их шкале.

Он будет включать не только все совершившееся во всем прошлом, настоящем и будущем во всех вселенных, но также все то, что потенциально в них могло совершиться.

Он будет включать не только все возможности для всех существующих вселенных, но также для всех потенциальных вселенных, даже если они не существуют и никогда не существовали.

Такое понимание является для нас философским. Логически это так и должно быть, но наш разум не способен охватить эту формулу или как-то ее осмыслить.

Когда мы думаем об Абсолюте, мы вынуждены представлять его тем или иным способом видоизменяющимся. Мы должны мыслить его в форме какого-то тела, качества или закона. Такова ограниченность нашего ума.

Воздействие (влияние) одного тела на другое способно происходить тремя различными способами:

а) обратно пропорционально квадрату расстояния между ними – это воздействие мы обозначаем как *излучение*, или активное воздействие большего на меньшее;

б) прямо пропорционально их массам – это воздействие мы обозначаем как *притяжение*, или пассивное воздействие большего на меньшее;

в) прямо пропорционально расстоянию между ними – это воздействие мы обозначаем как *время*, или задержку между испусканием влияния большим и его получением меньшим.

Они составляют в действии три первые видоизменения единства, *три первые видоизменения Абсолюта*.

Вообразите раскаленный железный шар. Он представляет собой некое единство. Его химический состав, вес, размер, температура и излучение составляют одну вещь, одно бытие. Но его воздействие на окружение осуществляется в соответствии с тремя факторами – он *освещает и нагревает* окружающее обратно пропорционально квадрату расстояния, он *притягивает* его прямо пропорционально своей массе, и он *действует на него с промедлением*, прямо пропорциональ-

ным расстоянию. Если его масса и излучение остаются постоянными, тогда этот третий фактор, хотя и присутствующий физически, остается невидимым и не поддающимся измерению. Но для всех объектов, состоящих с излучающим шаром в различных отношениях, совокупное действие этих трех факторов будет различным и особым для каждого. Таким образом, различия во влияниях излучающего единства (вследствие взаимодействия этих трех факторов) становятся бесконечными. Здесь мы утверждаем уже как минимум две вещи – излучающее единство и окружающие его объекты. Давайте теперь представим другой шар, южный полюс которого раскален добела, а температура северного равна абсолютному нулю. Если мы предположим, что этот шар (или сфера) имеет постоянные форму, размер и массу, то чем теплее южный полюс, тем разреженнее материя в его непосредственной близости, и, следовательно, тем большей является плотность около северного полюса. Если этот процесс продолжить в бесконечность, то излучение и масса полностью разделяются: южный полюс будет представлять собой чистое излучение, а северный – чистую массу.

Итак, *в один и тот же момент внутри самой сферы* эти три фактора – излучение, притяжение и время – создадут бесконечное множество физических состояний, бесконечное множество отношений на каждом полюсе. Три видоизменения единства создадут бесконечные различия.

Каждая точка сферы получит определенное количество

излучения от южного полюса, испытает определенную степень притяжения к северному полюсу и будет отделена от обоих полюсов (как в получении импульсов от них, так и в отражении их обратно) определенными периодами времени. Вместе три эти фактора выстроят формулу, которая даст совершенно точное определение каждой отдельной точки на сфере и верно укажет ее природу, возможности и ограничения.

Если мы назовем южный полюс раем, а северный – адом, мы получим образ, представляющий Абсолют в религии. Однако в настоящее время наша задача состоит в том, чтобы применить это понятие к Абсолюту астрофизики, к той картине Целого, которую современная наука с трудом пытается различить сквозь неизмеримые расстояния и невообразимо огромные отрезки времени, открывающиеся перед ней в наши дни.

Нам нужно представить всю поверхность сферы нашей Вселенной, с двумя ее полюсами излучения и притяжения, как испещренную растущими галактиками, – так же как поверхность Солнца испещрена водоворотами огня.

Этот «рост» галактик означает расширение от полюса абсолютного единства в свете до бесконечного развития сложности и увеличения расстояния; затем снова сжатие к полюсу абсолютного единства в материи. При этом полюса света и материи являются противоположными концами одной оси. И весь этот «рост» является лишь *поверхностью Вселенной*

в вечности².

Эта сфера Вселенной не поддается человеческому измерению или привычной нам логике. Предпринятые попытки различными способами ее измерить показывают лишь взаимную абсурдность, а одинаково правдоподобные логические цепочки рассуждений о ней приводят к диаметрально противоположным выводам. Это неудивительно, если вспомнить, что это сфера всех воображимых и невоображимых возможностей.

Например, человек, глядя из нашей бесконечно малой точки, находящейся внутри другой точки, которая, в свою очередь, находится внутри другой точки на поверхности этой сферы, получил теперь возможность фотографировать телескопами галактики, свет от которых идет до нас 1000 миллионов лет. Это значит, что на этих снимках галактики таковы, какими они были 1000 миллионов лет назад. При этом в то же самое время современная наука по-прежнему верит, что вся эта бесконечная сфера была создана лишь 5000 миллионов лет назад, в одном месте, в результате одного мгновенного взрыва света, продолжающегося до сих пор. Очень хорошо. Предположим, что были бы построены телескопы в пять раз сильнее нынешних. Тогда астрономы увидели бы создание Вселенной. Они увидели бы создание нашей собственной Вселенной в начале времени – с

² См. «Современную космологию» Георгия Гамова в Scientific American (март 1954). – Здесь и далее примеч. авт.

помощью бесконечного проникновения в пространство.

Подобные аномалии возможны только в такой сфере Вселенной, которую мы вообразили, где один полюс представляет излучение, или точку творения, другой – притяжение, или точку угасания, и где все точки одновременно и связаны, и отделены друг от друга бесконечной искривленной поверхностью времени.

С определенной точки зрения все галактики, все миры можно представить как медленно движущиеся от полюса излучения к экватору максимального расширения только для того, чтобы начать снова сокращаться в направлении конечного полюса массы. С другой точки зрения, возможно, что это жизненная сила, сознание самого Абсолюта совершает такое вечное странствие. И при этом, по нашему собственному определению Абсолюта, все части, возможности, времена и состояния этой сферы Вселенной должны существовать вместе, одновременно и вечно, постоянно изменяясь и оставаясь теми же самими.

В такой сфере могут быть объединены все различные понятия древней и новой физики. Вся сфера в целом – это тот закрытый космос, существование которого было впервые теоретически обосновано Риманом. Новая идея расширяющейся Вселенной, удваивающей свой объем каждые 1300 миллионов лет, – есть выражение движения от полюса излучения к экватору максимального расширения. Те, кто описывают Вселенную как начинающуюся с абсолютной плот-

ности и становящуюся все теплее и теплее в направлении к некой окончательной гибели в абсолютном огне, рассматривают движение от полюса массы к полюсу излучения. Те, кто описывают ее как созданную в абсолютном огне и становящуюся холоднее и холоднее до окончательной гибели от холода и сжатия, видят обратное движение. При этом Эйнштейн, пытаясь своим неосвязаемым и неизмеримым «космическим отталкиванием» удовлетворить необходимость в некой третьей силе, добавляет к этой картине двух полюсов промежуточную и связующую поверхность промедления, то есть время.

Все эти теории правильны, и все они ошибочны – как те слепцы в восточной сказке, которые, ощупав слона, пытались его описать: один сказал, что тот похож на канат, другой сравнил его со столбом, третий – с двумя тяжелыми копьями.

Все, что мы можем сказать с достоверностью, это то, что Абсолют Един, и что внутри этого единого – три силы, различающие себя как излучение, притяжение и время, вместе создают Бесконечность.

II. Млечный путь в мире спиральных туманностей

В пределах Абсолюта мы тем не менее способны рассмотреть наибольшие единицы, доступные восприятию человека. Это галактические туманности, в одной из которых, известной как Млечный Путь, примерно в средней ее части, находится наша Солнечная система. Хотя о существовании туманностей помимо нашей стало известно лишь с помощью современных телескопов, многие миллионы уже сейчас находятся в пределах видимости, и несколько сотен из них изучены достаточно хорошо. Ближайшая находится на расстоянии 800 тысяч световых лет и отстоит от нашего Млечного Пути на расстояние, аналогичное 20 шагам между двумя людьми.

Эти туманности, каждая из которых состоит из бесчисленных миллионов звезд, имеют различный внешний вид. Некоторые выглядят как линии света, другие имеют форму линзы, третьи подобны спиральям, в которых потоки солнц льются из центра, как сверкающий ливень. Это различие частично объясняется стадией роста самих туманностей и частично – углом зрения, под которым мы их наблюдаем.

Наиболее зрелые туманности, включая Млечный Путь, имеют на самом деле одинаковую форму. Они являются такими, как *видятся*: огромными колесами звезд, отделенны-

ми друг от друга бесконечными расстояниями, но каждое из них настолько необъятно, что эти звезды по своей многочисленности выглядят потоками газа или жидкости, льющими и текущими под влиянием некой огромной центробежной силы. Эта сила придает им спиральное движение или форму, как ураган в пустыне придает спиральное движение поднятому столбу пыли.

Без сомнения, Млечный Путь также обладает подобной центробежной формой, но, конечно, увидеть ее можно только со стороны. Для нас, находящихся внутри его плоскости, он выглядит как *закругленная линия* или *арка* света в небе. При этом Солнце мы видим как *закругленную плоскость*, или *диск*, и точно так же видятся нам в телескоп планеты. Тогда как, приближаясь к нашей собственной шкале, мы можем изучать Землю как *закругленное тело*, или поверхность *шара*. Эти три формы – арка, диск и шар – являются теми формами, в которых три огромных шкалы небесных существ представляются человеческому восприятию. Очевидно, что это не реальные формы этих существ, так как мы знаем, что, например, тот же Млечный Путь, увиденный со стороны, будет выглядеть не как линия, а вращающимся диском, как и другие галактики.

Тем не менее, *видимые* формы небесных миров очень интересны и важны, поскольку способны многое сказать не только о строении Вселенной, но и о человеческом восприятии, и таким образом – о его отношении к этим мирам, их

отношении друг к другу.

Итак, отношение между закругленным телом, закругленной плоскостью и закругленной линией – это отношение между тремя измерениями, двумя измерениями и одним измерением. Поэтому можно сказать, что мы воспринимаем Землю в трех измерениях, Солнечную систему – в двух, а Млечный Путь – в одном. Другие галактики мы воспринимаем только как точки. При этом Абсолют мы не способны воспринимать вообще ни в каком измерении – он совершенно невидим.

Таким образом, шкала небесных миров – Земля, Солнечная система, Млечный Путь, все галактики и Абсолют – представляет для человеческого восприятия совершенно особую прогрессию. С каждым новым подъемом по этой шкале одно измерение становится для человека невидимым. Это любопытное «исчезновение» измерения заметно даже на уровнях, находящихся за пределами его восприятия, но которые он еще способен вообразить. По отношению к Солнечной системе Земля уже не является шарообразным телом, но линией движения, в то же время по отношению к Млечному Пути Солнечная система уже не является плоскостью, но лишь точкой. В каждом случае одно нижнее измерение «исчезает».

Вместе с этим, поскольку *каждый космос* для самого себя является *трехмерным*, то есть обладает *собственными* длиной, высотой и шириной, то с каждым продвижением

по шкале прибавляется некое новое «высшее» измерение – недостижимое и невидимое для меньших существ. Кирпич имеет собственную длину, высоту и ширину, но ряд кладки составляет только одно измерение – длину дома, высота и ширина которого будут для кирпича высшими измерениями.

Подобно этому и человек, сам для себя являющийся трехмерным телом, – то есть имеющим собственные высоту, длину и ширину, – может передвигаться по всей поверхности Земли, и строение этой поверхности будет создавать на его шкале тот трехмерный мир, в котором он живет. На шкале Земли, однако, эта поверхность является лишь двухмерной с добавлением совершенно *нового* третьего измерения – ширины Земли – которое совершенно неизвестно и недоступно восприятию человека. Это третье измерение Земли является, таким образом, высшим и совершенно отличным видом третьего измерения, несоизмеримым с третьим измерением человека.

Так в этой великой небесной иерархии каждый высший мир как бы отбрасывает нижнее измерение мира под ним и прибавляет одно новое измерение из мира выше или за пределами досягаемости этого нижнего мира. Каждый такой полный мир существует в трех измерениях космоса и при этом имеет на одно измерение больше, чем мир ниже, и на одно измерение меньше, чем мир выше. Это означает, что каждый мир *частично* невидим для миров, которые боль-

ше и меньше, чем он сам. Но если по отношению к большому миру исчезает *нижнее* измерение меньшего мира, то для нижнего становится невидимым *высшее* измерение большого мира.

Если смотреть с нашей точки зрения, то чем больше небесный мир, тем бóльшая его часть должна быть невидимой, а те части этого высшего мира, которые доступны зрению человека, должны всегда принадлежать их низшим или наиболее элементарным аспектам.

Теперь мы можем лучше понять смысл этого линейного вида Млечного Пути. Это должно означать, что реальный Млечный Путь большей частью невидим. То, что мы лицезреем, – это иллюзия нашего ограниченного восприятия. Видимая «арка света» должна быть результатом того, что мы *не наблюдаем его в достаточном количестве измерений*.

Когда мы замечаем, что в нашем обычном окружении появляются некие линии или круги, мы хорошо знаем, что нужно делать, чтобы выяснить, каким телам они принадлежат. Для этого мы или сами вступаем с ними в отношения или заставляем их вступить в отношения с нами.

Сидя за столом в темной комнате, я вижу нечто, выглядящее как линия света; когда я приподнимаюсь, чтобы посмотреть ближе, эта линия превращается в круг; я беру этот предмет в руку, и он оказывается стаканом. До того, как я поднял стакан, мне виден был только освещенный ободок его верхнего края – сначала на уровне глаз, а затем сверху. Теперь,

когда я верчу его в руках, мое изменившееся отношение к нему в пространстве и времени открывает мне, что это не линия и не диск, но твердое тело, содержащее интересный напиток.

Мы не можем проделать подобное с Млечным Путем или другими галактиками. На их шкале мы ни на йоту не способны изменить свое положение в пространстве или во времени. По отношению к ним мы лишь неподвижные точки, и нет способа, которым мы могли бы наш взгляд на них изменить. Даже движения Земли и Солнца за тысячи лет не производят заметных изменений в точке зрения человека, так же как эти тысячи лет по сравнению с возрастом галактик не имеют вообще никакой длительности. Это похоже на то, как если бы мы были осуждены всю жизнь видеть только ободок стакана. И мы точно так же можем предположить, что люди видят именно край или поперечное сечение галактики, и таким их восприятие навсегда и останется.

Какой могла бы быть реальная природа Млечного Пути и его отношение к другим галактикам? Чем является туманность для самой себя? Мы оказались бы в затруднении, если бы не считалось установленным фактом, что отношения между небесными мирами Земли, Солнечной системы и Млечного Пути должны быть аналогичны и параллельны отношениям в нижнем мире электронов, молекул и клеток, поскольку само по себе отношение между взаимопроникающими мирами является космической постоянной, которая

поддается проверке как вверху, так и внизу. На своей собственной шкале клетка – сделавшаяся видимой с помощью микроскопа – представляет собой твердый трехмерный организм, но для человека это лишь неразличимая точка. Таким образом и между микрокосмическими мирами можно наблюдать такое же прибавление и вычитание измерений. С той лишь разницей, что здесь природу и бытие высшего мира, его отношение и власть над низшими мирами, находящимися внутри него, можно узнать и изучить, поскольку этот высший мир – сам человек.

Итак, положение Солнечной системы внутри Млечного Пути почти такое же, как положение клетки крови внутри человеческого тела. Белое тельце аналогичным образом состоит из ядра (или солнца), со своей цитоплазмой (сферой влияния); клетка также окружена со всех сторон бесчисленными миллионами таких же клеток или систем, и все в целом образует великую сущность, природу которой трудно себе даже вообразить.

Если, однако, мы сравниваем человеческое тело с каким-то большим телом Млечного Пути, а одну его клетку с Солнечной системой, то, чтобы найти точку зрения, сравнимую с точкой зрения человеческого астронома на Земле, мы должны были бы, вероятно, вообразить себе восприятие электрона одной из молекул этой клетки. Что мог бы такой электрон знать о человеческом теле? Что реально мог бы он знать о своей клетке или о своей молекуле? Эти организмы

были бы такими огромными, тонкими, вечными и всемогущими по отношению к нему, что их истинное значение оказалось бы полностью за пределами его понимания. При этом, однако, электрон мог бы, несомненно, воспринять что-то из окружающей его Вселенной, и хотя его впечатление было бы очень далеко от реальности, будет интересно его себе представить.

Поскольку данные электроны по незначительности своего размера и времени существования были бы неподвижными одномерными точками (так же как и люди внутри Млечного Пути), они оказались бы не способны ни на волос изменить свой взгляд на окружающую Вселенную. Это верно, что их клетка двигалась бы по артерии, как Солнце движется своим курсом по Млечному Пути, и эта клетка могла бы сделать за свою жизнь много тысяч оборотов по телу. Но для электрона это не будет иметь никакого значения, потому что за краткую вспышку его жизни клетка вообще не продвинется на какое-либо измеримое для него расстояние.

Из этого следует, что электроны будут видеть лишь неподвижное поперечное сечение человеческого тела, сделанное под прямым углом к артерии, в которой их клетке суждено двигаться. Это поперечное сечение представляет собой их видимую Вселенную, то есть *настоящее*. В данной Вселенной они будут прежде всего и выше всего видеть пылающее ядро своей клетки, источник света и всей жизни для них и для всей системы миров, в которых они живут. Глядя за пре-

дела этой системы в зенит – то есть за поперечное сечение и выше в артерию, – они ничего не увидят, ибо это именно то место, куда их клетка вместе со всей Вселенной уходила бы в *будущее*. Точно такое же пустое пространство будет лежать под ними, в надире, так как это именно то место, откуда их Вселенная пришла, то есть *прошлое*.

Если бы, однако, они посмотрели несколько дальше по плоскости настоящего своей Вселенной, они увидели бы пылающее во все стороны нечто, что выглядело бы как сверкающее кольцо, составленное из бесконечного числа других клеточных ядер или солнц, более-менее удаленных от их собственного. Будь у них хоть капля проницательности, они могли бы понять, что эта кольцеобразная форма лишь иллюзия, причина которой – сокращение расстояния, и вместо кольца сумели бы предположить громадный диск клеток, в котором их клетка являлась бы лишь одной из многих миллионов других. Далее, измеряя плотность этого облака клеток в различных точках данного круга, они могли бы даже рассчитать, что их собственная система находится около центра или ближе к одному или другому краю диска. Таким образом они могли бы определить местонахождение своей системы в галактике, потому что этот диск или кольцеобразное облако были бы их Млечным Путем.

Во многом открытия электронов стали бы параллельны открытиям земных астрономов, и они столкнулись бы с очень похожими проблемами. По мере изучения Млечного

Пути, составленного из других клеток, и применения тончайших методов измерения, они могли бы прийти, например, к идее – как в подобных обстоятельствах пришли к ней астрономы человечества, – что все эти клетки или солнца незаметно отступают вдаль. Из этого астрономы на Земле заключают, что все солнца Млечного Пути были созданы в одном месте в виде одной плотно сжатой массы и с тех пор расходятся из одного центра во все стороны в форме постоянно расширяющегося диска. Они говорят о «расширяющейся Вселенной». Если бы электроны, наблюдая свою Вселенную, пришли к такому же заключению, то это, конечно, означало бы, что они описывают то, что происходит в поперечном сечении человеческого тела в период после отрочества, когда бóльшая часть клеток уже не размножается, но существующие клетки продолжают расширяться, растягиваться, начинают наполняться водой и жиром, производя впечатление тела, увеличивающегося в объеме.

Наконец, уже исчерпав все теории о Млечном Пути, электроны могли бы заметить неизмеримо далеко за его границами, но все еще на его плоскости, слабые линии и облака, которые выглядели бы как аналогичные вселенные. Мы бы узнали в них поперечные сечения других человеческих тел. Но для электронов они явились бы внегалактическими туманностями.

Изучение этих удаленных туманностей могло бы ввести электрона-наблюдателя в курс некоторых любопытных про-

блем. Одни из этих туманностей он бы увидел лишь как линии света и понял бы, что смотрит на край точно такого же галактического диска, в каком находится сам. Другие могли бы выглядеть круглыми или спиралевидными, как и нам самим видятся некоторые туманности. И в этом случае он бы догадался, что смотрит на них так, как мог бы кто-то *в будущем* или *в прошлом* смотреть на его собственную Вселенную.

Как это возможно? Это означало бы, что электрон, до этого не способный даже вообразить форму того существа, к которому принадлежал как бесконечно малая величина, стал бы реально видеть силуэты других таких же существ – других людей, которые стоят, лежат или сидят – далеко на плоскости, через которую движется его собственная Вселенная. Эти другие люди или вселенные виделись бы ему там, где Вселенная электронов могла сама пройти позже или уже прошла – то есть электрон на самом деле увидел бы их так, как кто-то *в будущем* или *в прошлом* мог увидеть его собственную Вселенную. И наконец, электрон смотрел бы на человеческую «галактику», находясь *вне ее времени*. И таким образом он мог бы получить – может быть, впервые – идею о форме и природе своей собственной «галактики», то есть о человеке.

Точно таким же образом, изучая внегалактические туманности, человеческие астрономы впервые догадались о форме нашей собственной Галактики. Более того, они нашли огромнейшие скопления таких туманностей в зените и на-

дире Млечного Пути, то есть в плоскости, через которую он проходит, и, не найдя ни одной под прямым углом к плоскости ее диаметра, предположили там «затемненный слой». Но точно так же, конечно, и наш электронный астроном не наблюдал бы никаких других людей-вселенных выше или ниже пути прохождения собственной вселенной, то есть в небе над головой или в земле под ногами. Поскольку эти люди-вселенные имеют свойство двигаться только по поверхности большей сферы – Земли.

В первой части этой главы мы подобным же образом предположили огромную армию туманностей, движущихся по поверхности большей сферы – сферы Абсолюта. Может быть, после всего сказанного «затемненный слой» станет лишь подтверждением этой идеи, и, если так, тогда это не просто ответвление туманности, скрытое от нас, но сама природа Абсолюта.

Если наша аналогия правильна, то с ее помощью можно объяснить смысл небесных явлений, которые видятся нам как Млечный Путь и далекие галактики. Они представляют собой сечения громадных тел, непостижимых и вечных для нас, сказать о которых мы ничего не в силах, кроме того, что они должны быть живыми. Но так ли это на самом деле? Прямого ответа не существует. Мы можем сказать только то, что любая другая шкала жизни, правильно изученная, открывает явления, близко сопоставимые с теми, которые мы воспринимаем в небе и которые там, на той громадной шка-

ле, находятся за пределами нашего понимания. И мы можем добавить, что поскольку законы природы должны быть универсальными, а человек не способен *изобрести* устройство, подобное космическому, то метод аналогии, который показывает отношение между моделями, созданными этими законами вверху и внизу, является, возможно, единственным орудием интеллекта, достаточно сильным для определенных проблем.

Во всяком случае, аналогия показывает отношения. Так что при размышлении об электроде в человеческом теле мы хорошо видим шкалу существа, пытающегося судить о структуре, продолжительности жизни и назначении множества галактик путем сравнения их с явлениями, которым оно самолично является свидетелем.

III. Солнечная система в млечном пути

О внегалактических туманностях, кроме знания об их форме и удаленности, нам известно немного. О нашей собственной Галактике, Млечном Пути, мы можем сказать больше. Согласно последним данным, она является спиральной туманностью размером около 60 тысяч световых лет в диаметре и 10 тысяч световых лет в ширину.

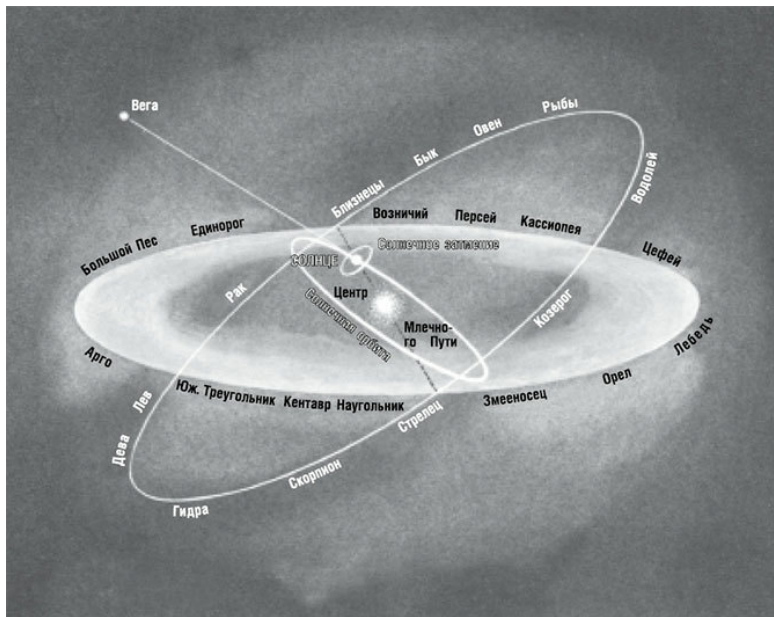

Рис. 1. Солнечная система в Млечном Пути

Рис. 2. Длинное тело Солнечной системы

Эту видимую часть Млечного Пути мы можем представить как плоскость или море звезд, вокруг центра которого вращается Солнечная система, – суденышко с булавочную головку на поверхности этого океана. Поскольку такое путешествие занимает несколько сотен тысяч лет, даже для самого максимального срока человеческого наблюдения оно выглядит как стояние на одном месте на неизменном фоне «неподвижных» звезд – так же, как корабль посреди океана кажется его пассажирам неподвижным на неизменном фоне водного горизонта. Тем не менее, какое-то движение корабль нашей Солнечной системы совершает, и курс его в настоящее время лежит в направлении яркой звезды Вега, которая светит впереди и немного *над* плоскостью самого Млечного Пути.

Это значит, что движение корабля не точно параллельно поверхности моря, но прорывается сквозь нее под углом, как бы поднимаясь на волне. А это в свою очередь означает, что поперечное сечение корабля, или та плоскость Солнечной системы, в которой движутся планеты, расположена не под прямым углом к поверхности галактического моря, но наклонена к ней под углом в 55 градусов.

На практике мы определяем расположение как большей плоскости Млечного Пути, так и меньшей плоскости Солнечной системы с помощью созвездий – легендарных скоплений звезд, лежащих по горизонту вокруг каждой из этих плоскостей. Точки, ограничивающие плоскость Солнечной

системы, – это хорошо нам известные Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы. В двух из них – Близнецах и Стрельце – плоскость Солнечной системы разрывается большей плоскостью Млечного Пути, или, если вспомнить уже употребленную нами метафору, поперечное сечение корабля пересекается с поверхностью моря. Созвездия Близнецов и Стрельца, таким образом, лежат под прямым углом к направлению движения Солнечной системы, а поскольку Солнечная система путешествует вокруг центра Млечного Пути, одно из них должно указывать направление к этому центру, а другое – к его ближайшему краю. В самом деле, масса звезд около Стрельца плотнее, как и следовало бы ожидать при взгляде сквозь всю толщу Галактики, кроме того, она *шире* и кажется разделяющейся на два слоя, как если бы мы на самом деле на большем расстоянии видели бóльшую *толщину* Галактики. Таким образом, в направлении Стрельца находится центр Галактики, а в направлении Близнецов – ближайшая граница внегалактического пространства³.

Теперь мы должны найти объяснение той странной идее, что человек способен видеть в некоторое прошлое Галактики, то есть немного в глубь или в толщу воды, по поверхности которой плывет его Солнечная система. Как это возможно?

³ Это предположение, которое можно проверить и невооруженным глазом, было подтверждено точными звездными вычислениями астрономами Херцспрингом, Перрайном и Шепли между 1912 и 1918 годами.

Млечный Путь так огромен, что свету требуется 60 тысяч световых лет, чтобы пройти от одного его края до другого. Это значит, что его ближайший край находится на расстоянии около 10 тысяч световых лет от нас, а самый дальний – около 50 тысяч световых лет. Другими словами, самые дальние звезды возле Близнецов видятся нам в том положении, которое они занимали 10 тысяч лет назад, а самые дальние возле Стрельца стоят там, где на самом деле находились 50 тысяч лет назад, во времена, когда исторический человек, быть может, впервые появился на поверхности Земли.

Мы в буквальном смысле *смотрим в прошлое Млечного Пути*. Чем дальше мы смотрим, тем глубже в его прошлое мы проникаем взглядом; и объяснение этой способности смотреть из галактического настоящего заключается в малой скорости импульсов света, составляющих наше единственное средство восприятия, в сравнении с почти невообразимой огромностью расстояния, которое они должны пересечь. Позже, при обсуждении скоростей распространения и различных видов энергии, мы на самом деле должны будем прийти к заключению, что масштаб галактического мира подразумевает существование некой энергии *намного быстрее света*, с которой человек еще не знаком.

Теперь же, если мы предположим, что Млечный Путь движется вперед, как и все другие системы во Вселенной, то мы можем сказать, что угол нашего восприятия пространства вне плоскости настоящего должен быть пропорциона-

лен скорости Млечного Пути, деленной на скорость света. В обычной жизни точно такое же явление возникает из-за затраты времени на передачу звука, когда на большом расстоянии мы слышим крик, раздавшийся на несколько секунд раньше, и таким образом способны слышать прошлое тем глубже, чем дальше стоим.

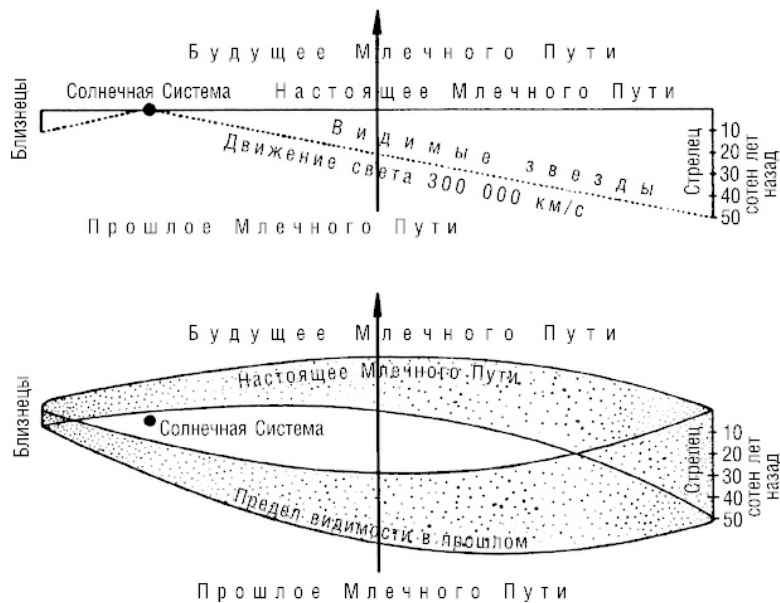

Рис. 3. Поперечное сечение и вид Млечного Пути

Таким образом, в действительности мы вообще не смотрим за пределы этого воображаемого моря, или диска, ко-

торый представляет настоящее Млечного Пути. Мы глядим в некий конус, расширяющийся во времени Галактики, или четвертом измерении. Потому что, если ближайшие к нам звезды находятся *позади* этой плоскости на расстоянии 10 или 20 лет, другие светят с расстояний 10, 1000 или 10 тысяч лет – пропорционально их удаленности. С нашей же позиции все эти звезды, расходящиеся из настоящего в прошлое на протяжении десятков тысячелетий, выглядят накладывающимися друг на друга, создавая иллюзию того широкого *кольца* или стены звезд, которую мы реально видим.

Но, как мы подсчитали, на дальней стороне Галактики мы в пять раз глубже смотрим в прошлое, нежели на ближней стороне. Именно из-за большего расстояния мы видим там намного больше ее времени, то есть четвертого измерения, и поэтому естественно, что зримая группа звезд должна быть плотнее и толще у Стрельца, где находится ее центр и большая часть.

Поскольку Млечный Путь – это спиралевидная туманность, то, когда мы поворачиваемся лицом к Стрельцу, мы тем самым обращаемся к ее центру (источнику творческой энергии); аналогичным образом, когда мы поворачиваемся лицом к Солнцу, мы обращаемся к центру или источнику творческой энергии Солнечной системы. Соответственно, встав лицом к Близнецам, мы оказываемся спиной к этому центру – аналогичное происходит, когда мы в полночь смотрим на часть неба, противоположную той, где находит-

ся Солнце. В этом и кроется объективное различие между пресловутыми «характерами» знаков зодиака. На самом деле они представляют собой угол нашего наклона к центру Галактики, такой же точный и определенный, как часы дня – это угол нашего наклона к Солнцу.

Когда Солнце находится в Стрельце, это значит, что солнечные излучения и любые неизвестные высшие излучения из центра Млечного Пути приходят к нам с одной и той же стороны, то есть совпадают. Когда Солнце в Близнецах – это значит, что солнечные и галактические излучения приходят к нам с противоположных сторон. Когда же мы обращены к Солнцу, находящемуся в промежуточных знаках Девы и Рыб, – это значит, что мы видим его на фоне внешней пустоты, то есть на фоне невидимого прошлого и будущего Млечного Пути, излучения из центра которого приходят к нам под прямым углом к солнечным лучам.

В настоящее время мы не можем с точностью установить природу излучений, приходящих из галактического центра. Но было зафиксировано одно общее излучение, с длиной волны в несколько метров, которое заметно сильнее в направлении самых плотных звездных облаков Млечного Пути, а сильнее всего – в направлении Стрельца⁴.

Это излучение сейчас рассматривается как определенная характеристика нашей Галактики и особенно ее центра, физическая природа которого скрыта от нас звездными обла-

⁴ Впервые замечено Янски («История астрономии»).

ками. Оно отличается, но вместе с тем и подобно тому, что известно как космические лучи, которые, приходя на Землю со всех сторон под всевозможными углами и будучи более высокочастотными, чем любые из тех, что берут свое начало на Солнце, должны нести к нам и материю или влияние из жизненного центра некоего большего мира.

Мы предположили, что этот большой мир или космос, высший по отношению к Солнечной системе, – Млечный Путь. Но существует много указаний на то, что расхождение в размерах здесь неизмеримо огромно. Позже, когда мы дойдем до определения относительных размеров и измерений космосов, которые мы способны установить⁵, мы увидим, что коэффициент умножения между Солнечной системой и Млечным Путем намного больше, чем между клеткой и человеком, человеком и природой, природой и Землей, Землей и Солнечной системой. Солнечная система как бы теряется в расстояниях Млечного Пути, так же как один человек будет теряться на поверхности Земли, чего нельзя сказать о нем по отношению ко всему организованному миру природы, часть которого он составляет и который является, так сказать, посредником между ним и Землей.

Диаметр Земли, например, составляет одну миллионную диаметра Солнца; но диаметр Солнца – это приблизительно всего лишь одна 40-миллионная диаметра Млечного Пути. В нашей системе мы находим такие же отношения, но

⁵ См. приложение II «Таблица времен и космосов».

только не между Солнцем и планетами, а между Солнцем и *спутниками* планет. То есть по аналогии масштаба и массы мы должны предположить, что Солнечная система вращается вокруг некой великой сущности, которая в свою очередь вращается вокруг центра Млечного Пути; точно так же как Луна вращается вокруг Земли, которая в свою очередь вращается вокруг Солнца.

Что является этим «солнцем» нашего Солнца, и где оно находится? Многие ученые пытались отыскать некую «локальную» систему в пределах Млечного Пути, в частности, Шарлье в 1916 году, как казалось, установил такую группу звезд, имеющую 2000 световых лет в поперечнике, с центром на расстоянии нескольких сот световых лет от нас в направлении к Арго. Когда мы изучаем наше непосредственное окружение в Галактике, мы обнаруживаем интересную градацию звезд, две из которых похожи на ту, что мы ищем. На участке около 10 световых лет от нас мы находим одну звезду, равную по масштабу нашему Солнцу, и Сириус, который в 20 раз ярче. На участке между 40 и 70 световыми годами мы сталкиваемся с пятью еще большими звездами, которые в 100–250 раз ярче нашего Солнца; между 70 и 200 световыми годами – 7 еще больших, в 250–700 раз ярче; и между 300 и 700 световыми годами – 6 огромных гигантов, в десятки тысяч раз более ярких. Самый большой из них, Канопус, расположенный на расстоянии 625 световых лет от Солнечной системы, позади нее, в точном кильватере, и имею-

щий в 100 тысяч раз более сильное излучение, – мог бы на самом деле быть «солнцем» локальной системы, обнаруженной Шарлье.

Но как и во многих подобных проблемах, только когда мы оставим астрономические теории и вернемся к непосредственному наблюдению неба и небесных тел, мы найдем более близкое и непосредственное звездное влияние, которому может быть подчинена Солнечная система.

Самый яркий объект в небе, не считая тех, что находятся в пределах самой Солнечной системы, – это, конечно, двойная звезда Сириус. Она состоит из огромного излучающего солнца, в 26 раз ярче нашего, вокруг которого с периодом в 50 лет вращается белый карлик величиной с Юпитер и в 5000 раз плотнее свинца. Поскольку масса светлой звезды в 2,5 раза больше массы Солнца, а масса темной звезды равна массе Солнца, то влияние на Солнечную систему этой звездной пары, расположенной на расстоянии менее 9 световых лет, определенно должно намного превышать влияние любого другого внесолнечного тела. По физическим размерам, а также по излучению и массе, система Сириуса как бы заполняет тот чрезмерный промежуток между космосами Солнечной системы и Млечного Пути. В самом деле, расстояние от Солнца до Сириуса – в миллион раз большее, чем от Земли до Солнца, – естественно укладывается в упоминавшуюся шкалу космических отношений, и оно давало астрономии XIX века превосходную небесную единицу измерения – си-

риометр, от которой в наше время, к сожалению, отказались.

Не существует астрономических данных, которые противоречили бы той возможности, что Солнечная система вращается вокруг Сириуса в ходе оборота последнего по Млечному Пути, как это предполагал Кант. Ибо такое вращение заметно изменило бы только положение в небе самого Сириуса и 2–3 ближайших звезд, а при его периоде в несколько сотен тысяч лет это легко могло пройти незамеченным. Фактически, у нас есть определенные доказательства того, что на самом деле так оно и есть. Как наблюдали древние египтяне, видимое движение Сириуса – измеренное по его восходу вместе с Солнцем – немного меньше, чем движение всех остальных звезд, видимое из прецессии равноденствий. Если в определенный день каждый год общая звездная масса восходит на 20 минут позже, то Сириус восходит позже только на 11 минут. Это соотносится с разницей в видимом движении между точками вне круга и в его центре, если наблюдать из движущейся точки на его окружности – так же как в ландшафте, видимом из движущегося автомобиля, далекие и близкие объекты кажутся бегущими мимо друг друга.

Такое наблюдение представляет достаточное основание, чтобы поверить, что наше Солнце действительно вращается вокруг Сириуса. И если мы предположим, что общепринятая величина скорости движения Солнца в космосе – 20 км/с – верна, то тогда это вращение займет 800 тысяч лет; другими словами, наше Солнце за каждый полный оборот по Млеч-

ному Пути сделает около 250 оборотов вокруг своего большего солнца. Позже мы увидим, что эта цифра – 800 тысяч лет – приблизительно равна $1/3$ жизни природы, или одному месяцу жизни Земли, и что она очень хорошо укладывается в общие отношения между космосами⁶.

Между тем появляется другой поразительный факт, подтверждающий идею о локальной звездной системе с Сириусом в центре. Если мы возьмем известные крупные звезды на участке, скажем, в 40 световых лет от Солнца – Сириус, Прокцион, Альтаир, Фомальгаут, Поллукс, Вега и так далее, то обнаружим, что все они (за исключением двух) лежат примерно на одной плоскости, не выходя за пределы угла в 15 градусов⁷.

Этому есть только одно правдоподобное объяснение: все ближние звезды вращаются вокруг общего центра, и это сечение является эклипстикой, на которой лежат их орбиты.

Если предположить, что Сириус является солнцем для этих солнц, то тогда наше Солнце – что довольно любопытно – занимает, видимо, в этой системе такое же место, как Земля в Солнечной системе. И если это так, то Сирианскую систему можно рассматривать как почти ровно в миллион раз большую по диаметру, чем Солнечная, так же как последняя

⁶ См. приложение II «Таблица времен и космосов».

⁷ Этот разрез неба пересекает небесный экватор под углом в 60 градусов вблизи 7.30 и 19.30 часов прямого подъема небесных тел над горизонтом небесной сферы и достигает наклона в 55 градусов вблизи Большой Медведицы.

по диаметру в миллион раз больше Земли, а Земля по диаметру в миллион раз больше обычного дома.

Мы не можем знать, какое влияние приходит к нам из сирианского солнца, с его странным сочетанием излучения, намного большего, чем солнечное, и плотности, намного более устрашающей, чем любая мыслимая в самой темной глубине самого плотного спутника. Такой сверхрай и инфраад для нас невообразимы – так же, как мы не знаем, связаны ли с ним космические лучи или какое-то иное сверхсолнечное излучение.

Мы можем только в самом общем виде изобразить каждый из рассматривавшихся нами миров как купающийся в излучениях или влияниях из всех миров, высших для него, так же как наша Земля одновременно купается в космических лучах и солнечном тепле. Сумма этих излучений составляет «среду», в которой существует данный мир, а их многообразие будет предоставлять возможность выбора для отражения одного или другого влияния.

Если мы посмотрим на эту «среду» с иной точки зрения, то увидим, что она составлена из сечений высших миров. Мы уже сравнивали Солнечную систему в сечении Млечного Пути с клеткой в сечении человеческого тела. Клетка для сечения человека и наше Солнце для Млечного Пути подобны точкам на плоскости. Поэтому мы даже можем выразить это в форме закона, согласно которому среда, где любой данный мир живет, движется и имеет свое бытие, – есть для него то

же, что плоскость для точки. Поперечное сечение человеческого тела – это плоскость, в которой движутся клетки; поверхность Земли – это плоскость природы, в которой движется человек; эклиптика Солнечной системы – это плоскость, в которой движется Земля; а диск Млечного Пути – это плоскость, в которой движется Солнце.

Далее, отношение между точкой и линией – это бесконечность, и отношение между линией и плоскостью – тоже бесконечность. Поэтому отношение между точкой и плоскостью – это бесконечность в квадрате. Это значит, что они вдвойне несоразмерны, так как привнесено два новых измерения. И когда мы сравниваем каждый мир не с сечением высшего мира, в котором он живет, а с полным телом этого высшего мира, то сравнение идет между точкой и телом, или бесконечностью в кубе.

Бесконечность в квадрате или бесконечность в кубе могут быть лучше поняты нами в сравнении с такими вещами, как план, намерение и возможность. Бесконечное число точек дают незначительное расширение, но точка, умноженная на бесконечность в кубе, может превратиться в твердый блок, на котором можно сидеть. Бесконечное число клеток формируют лишь массу протоплазмы, но клетки, умноженные на бесконечность в кубе, составляют человеческое тело. Бесконечное количество органических тел не значит ничего, кроме тонн плоти, крови и жизненных соков, но органическое тело, умноженное на бесконечность в кубе, образует гармо-

ничный мир природы. Тем же самым способом, хотя мы и не понимаем весь смысл этого, Млечный Путь должен быть составлен не одной бесконечностью солнц, но их бесконечностью в кубе.

Но вместе с тем одна клетка, человеческое тело, мир природы, Земля, Солнечная система и Млечный Путь являются законченными в самих себе, каждая из этих сущностей включает в себя модель и возможность целого. Такие сущности, связанные с аналогичными на большей и меньшей шкалах скользящей триадой измерений, справедливо названы космосами.

Здесь у читателя могут возникнуть два вопроса. Первый: что именно составляет космос? И второй: на основании чего можно признать, что космосы, высшие и низшие по отношению к человеку, способны иметь разум и сознание?

Слово *kosmos* по-гречески означает «порядок», «гармония», «правильное поведение», «честь», «целое», «внешний вид целого» и, наконец, «гармонический порядок целого», «Вселенная в ее совершенстве». Пифагорейцы использовали его в смысле «саморазвивающееся или превосходящее само себя целое». Как мы подробнее увидим позже, возможность саморазвития или самопревосходства предполагает совершенно особый план и структуру, которые имеются у одних существ, а у других отсутствуют. Так, человек, имеющий возможность совершенствоваться и превосходить самого себя, может быть назван космосом, тогда как собака, явля-

ющаяся, видимо, законченным экспериментом без дальнейших возможностей, не может. По этому же признаку половая клетка, которая способна развить себя в человека, скорее всего, является полным космосом, тогда как костная клетка – нет; планета, которая способна развиться в Солнце, – это полный космос, тогда как астероид – нет, и так далее.

Признак настоящего космоса – это, фактически, особый вид замысла, о котором упоминается в Книге Бытия во фразе: «И сотворил Бог человека *по образу своему*». Этот «образ божий», характерные черты которого мы должны детально изучить, обнаруживается на всех уровнях и является главным отличительным признаком космоса.

Это, в свою очередь, отвечает на наш второй вопрос, поскольку где бы мы ни нашли – в природе или в небе – повторение этой модели замысла, которая в случае с человеком, как мы знаем, соединена с возможностью разума и сознания, мы вольны предположить, что этот замысел включает возможность разума и сознания и на другой шкале, – так же как мы предполагаем, что проект динамо-машины дает возможность вырабатывать электричество везде, где бы он ни был материализован.

Кроме того, поскольку бóльшие космосы порождают меньшие, мы можем предположить и то, что они в большей степени обладают разумом и сознанием, – так же как мы принимаем, что человек, создающий умную машину, будет ее умнее.

Книга состоит из глав, главы из параграфов, параграфы из предложений, предложения из слов, слова из букв. Буква и слово имеют смысл на своем уровне, но не имеют собственного смысла отдельно от всей книги. Так же и во Вселенной мы стремимся, несмотря на все наше бессилие, постичь высший космос, чтобы понять смысл низшего.

2. Времена Вселенной

I. Отношение между пространством и временем

Мы говорили об Абсолюте и бесконечном небе спиральных туманностей внутри него. В одной из таких туманностей мы разглядели Солнечную систему. Мы представили себе расположение этой системы в Галактике и их относительные размеры. И в то же время мы старались уловить основные ограничения человеческого восприятия по отношению к небу.

Теперь, если мы хотим лучше понять эти астрономические космосы, то ясно, что мы должны думать не только об их огромной протяженности, но также об их почти непостижимых временных масштабах.

Можно ли судить о продолжительности жизни Млечного Пути или Солнечной системы по одной их величине? Есть ли какая-либо связь между пространством и временем?

На самом деле мы уже нашли ключ к ответу на этот вопрос в прошлой главе, когда пришли к заключению, что среда обитания каждого космоса – это поперечное сечение космоса высшего. Давайте вернемся к клетке крови в челове-

ческом теле. Поперечное сечение этого тела под прямым углом к положению клетки в артерии составляет ее настоящий мир. Поперечные сечения выше по артерии представляют этот мир, каким он будет в различные моменты будущего. Поперечные сечения ниже по артерии представляют мир прошлого. Проходя вверх по артерии (например, через сердце), клетка могла бы, возможно, получить некое впечатление о вилочковой железе, легких, а также других органах, лежащих на данном сечении, но она ничего не узнает о мозге или иных органах, расположенных выше сечения, до тех пор, пока до них не дойдет. Все органы, лежащие *вдоль* человеческого тела, будут существовать для этой клетки *во времени*. Таким образом, длина, или третье измерение человеческого тела, будет представлять собой время, или *четвертое измерение*, для этой клетки.

Для молекулы же, движущейся внутри этой клетки, временем окажется третье измерение *клетки*, в то время как время клетки, или третье измерение человека, будет находиться совершенно за пределами времени молекулы. Оно будет таинственно связано с идеей жизни после смерти или некой возможности повторного существования. Мы можем сказать, что третье измерение человека явится *пятым измерением* молекулы.

С другой стороны, для электрона, чье время, в свою очередь, состоит из третьего измерения молекулы, ни расширение, ни повторение его индивидуальной жизни не дадут

ему возможности понять третье измерение человека, которое для него полностью непостижимо и представляет собой совершенно неизвестное измерение – *шестое* – где все, даже невообразимые возможности, могут быть реализованы.

Из всего этого видно, что данный любопытный переход измерений от одного космоса к другому касается не только трех измерений пространства, которые мы изучали в предыдущей главе, но также измерений времени. Мы должны предположить для каждого космоса период в шесть измерений: первые три составляют его пространство, четвертое – время, пятое – вечность, шестое – Абсолют. И далее: с каждой сменой одного космоса другим весь этот период изменяется, одно из измерений отпадает, другое привносится, и все остальные изменяются, каждое превращаясь в следующее. Таким образом, длина одного космоса будет выглядеть как время для меньшего космоса, вечность для следующего (еще меньшего) и абсолют для наименьшего, в то время как с пятым космосом она может не иметь никакой связи.

Все это можно выразить и проще. Вхождение в каждое новое измерение представляет собой *движение в некоем новом направлении*. Точка, не имеющая измерений, так же как точка, нанесенная карандашом на бумагу, или огонек зажженной сигареты в темноте при движении оставляют след в виде *линии*. Линия (например, спица от велосипедного колеса или цветной мелок) при быстрой езде или движении под прямым углом к его длине оставляют след в виде *плоскости*. Плос-

кость, продвигаемая под прямым углом к ней самой (или диск, вращающийся вокруг оси своего диаметра) оставляет след в виде *тела*. *Тело* (например, человек), продолженное в прошлое и будущее, дает *жизнь*. *Жизнь*, продолженная под прямым углом к ней самой, приводит нас к идее о параллельных временах, о *повторении времени*, о вечности⁸.

Все эти повторения, перенесенные в еще одно направление, заключают в себя *абсолютное целое*, реализацию всех возможностей, все существующее.

Каждый космос, таким образом, может быть рассмотрен семью различными способами, в соответствии с восприятием наблюдающего:

- 1) как *точка*, то есть вне измерений;
- 2) как *линия*, то есть в одном измерении;
- 3) как *плоскость*, то есть в двух измерениях;
- 4) как *тело*, то есть в трех измерениях;
- 5) как *время всей жизни*, то есть в четырех измерениях;
- 6) как *вечно повторяющаяся жизнь*, то есть в пяти измерениях;
- 7) как *все*, то есть в шести измерениях.

Далее, если мы добавим к этой идее только что описанное изменение измерений при переходе от одного космоса к

⁸ Слово «вечность», как оно используется в этой книге, не означает бесконечной продолжительности времени, поскольку время конечно и ограничено «временем жизни». Оно сходно с пониманием его средневековыми теологами: измерение «внешнего времени», образованное повторением самого времени.

другому, то получим следующую таблицу:

Клетка	Человек	Природа	Земля	Солнце
Точка	—	—	—	—
Линия	Точка	—	—	—
Плоскость	Линия	Точка	—	—
Тело	Плоскость	Линия	Точка	—
Жизнь	Тело	Плоскость	Линия	Точка
Повторение	Жизнь	Тело	Плоскость	Линия жизней
Все возможности	Повторение	Жизнь	Тело	Плоскость
—	Все возможности	Повторение	Жизнь	Тело
—	—	Все возможности	Повторение	Жизнь
—	—	—	Все возможности	Повторение
—	—	—	—	Все возможности

Из этой таблицы возникает множество интересных идей. И поразительно, насколько наше *реальное восприятие* соответствует ее показателям, хотя во многих случаях умственная поправка была сделана так давно и так автоматически, что мы забыли, что на самом деле представляют собой реальные восприятия.

Например, человек воспринимает клетку – если вообще способен воспринять – как точку без измерений. Как легко можно понять, глядя сверху на любой город с близлежащей горы, природа должна воспринимать одного человека – если вообще воспринимает – точно так же. И таким же образом Солнце смотрит на Землю.

К тому же, человек воспринимает жизнь клетки (в течение которой, например, красное тельце пересекло много миль артерий, вен и капилляров, пробежав через каждую

часть его тела) как тело, собственное тело. Тело человека состоит из жизней его клеток. В свою очередь тела людей, животных, рыб, деревьев становятся для природы пленкой или изогнутой плоскостью, покрывающей поверхность Земли, в то время как для Земли все это лишь след или линия, движущаяся в пространстве.

С другой стороны, жизни людей, животных, рыб и деревьев в природе видятся как твердое тело, а их повторение выглядит твердым телом для Земли. Вспоминая свою жизнь как целое, человек смотрит на себя глазами природы. Вспоминая свое возвращение, он видит себя так, как видит его Земля. Таким образом, память для человека – это ключ к восприятию его самого и его окружения так, *как они воспринимаются высшим космосом.*

В самом деле, мы можем продолжить и сказать, что вспоминая совокупность всех возможностей, он увидел бы себя так, как видит его Солнце. *Ибо все возможности для человека и каждого живого создания перед Солнцем являются как твердые тела, существующие в его реальном теле.*

Таким же образом размер каждого космоса связан с размерами всех других, а его время совершенно связано с их временами. Точно так же продолжительность его жизни заключена как в его собственном диаметре, так и в диаметре Вселенной. А все это многообразие несоизмеримых масштабов и сроков жизней согласуется в совершенное целое, которое очевидно существует на самом деле.

Есть еще один интересный аспект этого периода измерений для каждого космоса. Вне измерений, как точка, все космосы кажутся равными и тождественными. В шести измерениях, как Абсолют, они снова выглядят равными и тождественными. Видимые в промежутке, то есть от одного до пяти измерений, они сначала представляются все более и более различными и отдельными, а затем опять все более и более схожими.

Например, предположим, что живое существо, видимое как линия (то есть в одном измерении), в *10* раз длиннее другого. Видимое как плоскость, построенная на этой линии (то есть в двух измерениях), оно охватывает собой область, в *100* раз бóльшую; и видимое как тело, построенное на этой плоскости (то есть в трех измерениях), оно имеет в *1000* раз больший объем. С добавлением каждого нового измерения, вплоть до третьего, оно выглядит все *более отличным, более отдельным*, более четко отграниченным от другого.

Однако при знакомстве с четвертым измерением всей его жизни снова появляются сходства. Все живые существа зачинаются, рождаются, достигают зрелости и умирают во времени. Видимые в трех измерениях муха и слон не имеют ничего общего; но если смотреть на них в четырех измерениях, то есть в модели их жизней и работе их функций, то снова становится виден их общий замысел. Видимые в пяти измерениях, то есть как повторение циклов существования вокруг некоего жизненного центра, самые несходные друг с дру-

гом создания и существа – от людей до спутников, от клеток крови до планет – обнаруживают удивительное сходство.

Поэтому будет буквальной истиной, если мы скажем, что, когда мы воспринимаем вещи в трех измерениях, мы видим их в их максимальной дифференциации. Живя в мире трехмерных объектов, мы испытываем на себе творение в его наиболее холодном, раздельном и замкнутом виде.

Это на самом деле одно из объяснений тому удивительному одиночеству и отчужденности людей с их постоянным трехмерным восприятием. Животные, имеющие двухмерное восприятие, страдают намного меньше от чувства отделенности от других объектов, отделенности от мира. И по мере того, как человек начинает развивать четырехмерное восприятие, он снова начинает – на этот раз сознательно – видеть общую модель, зависимость и единство. Это и трагедия его, и в то же время преимущество, что его восприятие, которым он наделен от природы, делает самое большое ударение на *отдельной индивидуальности*.

При всем этом в любом космосе все шесть измерений и способов видения – от линии до Всего – являются нераздельно и на самом деле математически связанными. Если бы мы могли правильно вычислить одно из измерений какого-либо космоса и знать точно, что именно вычисляем, то могли бы рассчитать все другие измерения, скорости и времена, которые этот космос в себе содержит.

Возьмем Солнечную систему. Если мы знаем расстояние

какой-либо планеты от Солнца (*линия*), мы можем вычислить по известным законам⁹:

- 1) скорость движения планеты по орбите (*время*);
- 2) период ее обращения вокруг Солнца, и таким образом – относительное число таких обращений за все время жизни последнего (*возвращение*);
- 3) силу солнечного света, достигающего ее, и таким образом – количество энергии, имеющейся в ее распоряжении в сравнении с источником всей энергии (*Абсолют*).

Другими словами, все эти измерения взаимосвязаны и подразумевают друг друга. И это должно быть верно для любого истинного космоса, поскольку совокупность этих измерений, как мы показали ранее, будет в свою очередь выглядеть телом для некоего еще более высшего существа.

Давайте теперь вернемся к нашей первоначальной проблеме: каково отношение между диаметром и продолжительностью жизни? Каково отношение между *линией* и *временем*? Каково отношение между космосом, видимым в его

⁹ Эти законы следующие. 1. Орбитальные скорости планет обратно пропорциональны квадратному корню их расстояния от Солнца. 2. Квадраты периодов, за которые планеты описывают свои орбиты, пропорциональны кубам их наибольшего расстояния от Солнца (третий закон Кеплера). 3. Сила света (светящего на планету) обратно пропорциональна квадрату ее расстояния от Солнца. Соединив эти законы, мы можем далее вывести: 4. Орбитальные скорости планет пропорциональны квадрату квадрата силы падающего на них света. 5. Возвращение планет на их орбиты обратно пропорционально кубическому корню квадрата их расстояния от Солнца.

первом измерении и в четвертом? Самый важный ключ к ответу на эти вопросы состоит в том факте, что все вышеприведенные вычисления зависят от знания *расстояния планеты от Солнца*, то есть знания радиуса, соединяющего ее с жизненным центром, вокруг которого она вращается. Ибо это общий ключ времени. *Время создано вращением вокруг жизненного центра некоего большего мира.*

Этот принцип по отношению к миру планет понял и выразил Кеплер в своем знаменитом третьем законе, в котором он показал, что отношение между расстоянием от Солнца (*линия*) и периодами обращения вокруг Солнца (*время*) является отношением между квадратными и кубическими корнями.

Поскольку все космосы построены по одной общей схеме, а отношение между ними теперь представляется подобным тому, что существует между измерениями внутри одного космоса, то при использовании этой формулы нам станет ясно то общее отношение между линией и временем, между пространством и длительностью, которое мы ищем.

Выраженный просто, третий закон Кеплера видимо предполагает то, что, когда линейное пространство возводится в куб, длительность возводится только в квадрат. С целью продемонстрировать это без сложных вычислений, мы сделаем два параллельных столбца – один, представляющий пространство, в котором каждая ступенька – это умножение на 31,8 (приблизительно π^3), другой, представляющий время, в

котором такая же ступенька умножена на 10 (приблизительно π^2). Левый столбец будет представлять *радиусы*, а правый – *длину жизни*. Нашей основой будет *человек*, и для удобства мы примем продолжительность его жизни за 80 лет, а его радиус (от сердца до кончиков пальцев) за 1 м.

В эту таблицу мы теперь расставим примеры общих классов существ, куда они подходят по размеру или по сроку жизни.

Линейное пространство – радиусы		Длительности – сроки жизни
1000 миллионов километров 31,8 миллионов километров	Планеты	8000 миллионов лет 800 миллионов лет
1 000 000 километров 31 800 километров	Спутники	80 миллионов лет 8 миллионов лет
<i>Мир Природы</i>		
1000 километров	Континенты	800 000 лет
	Астероиды	
31,8 километров	Горы и озера	80 000 лет
1 километр		8000 лет
<i>Города</i>		
31,8 метров	Большие деревья	800 лет
	Большие животные	
1 метр	Человек	80 лет
3,18 см		8 лет
<i>Мелкие животные</i>		
1 мм	Насекомые и растения	10 месяцев
<i>Бактерии</i>		
0,03 мм	Крупные клетки	1 месяц
0,001 мм	Мелкие клетки	3 дня

В целом эти данные подтверждают наши выводы, а на нижнем и среднем участках таблицы они поразительно близки к истине. Обычные клетки, с радиусом в сотые доли миллиметра, живут несколько дней. Крупные насекомые, дли-

ной в несколько миллиметров, живут год или около того, животные, измеряемые в дециметрах – десятки лет, слоны, киты и дубы по несколько метров в объёме – века, и так далее.

С другой стороны, кажется невозможным производить таким способом вычисления относительно индивидуального существа и даже вида. Данная формула, от которой легко ускользают отдельные судьбы и причуды, применима больше к общим классам и среднестатистическим величинам: так, скажем, человек в среднем живет 70 лет, хотя отдельно взятый индивидуум может умереть в 30, 60 или 90 лет.

Между тем, с привычной точки зрения, существуют некоторые странные несоответствия в высших областях, где радиус, эквивалентный радиусу Земли, кажется больше соответствующим возрасту природы, а предполагаемый возраст Земли соотносится с радиусом ее орбиты. К этим несоответствиям мы обратимся в следующей части, когда поочередно будем рассматривать время каждого космоса.

II. Дни и жизни миров

Мы установили, что существует цепочка или иерархия космосов, каждый из которых создан по одному и тому же образу, каждый есть бесконечное повторение меньшего космоса, каждый является бесконечно малой частью большего космоса. Сам человек – один отдельный человек – находится в самой середине этой цепи космосов. Внутри него находятся электрон, молекула, клетка. Вне его – природа, Земля, Солнце, Галактика.

Мы определили, что каждый космос может рассматриваться как имеющий шесть измерений (три – пространства и три – времени). Эти измерения математически точно соотношены друг с другом и несколько по-иному – с шестью измерениями других космосов. Линия, поверхность, пространство, время и вечность являются, таким образом, их видимостями, скользящими одно внутри другого в соответствии со шкалой восприятия наблюдателя.

Наша следующая проблема – открыть временные отношения, то есть *относительную скорость жизни* различных космосов в этой иерархии, поскольку это связано с некоторыми неизвестными скоростями восприятия в человеке и, следовательно, с вопросом о возможном развитии человека, которое является нашей основной темой.

Один способ открыть это временное отношение между

космосами – логически вывести его из единиц измерения физики, используя обсуждавшуюся выше формулу кубов и квадратов. Но как только мы затрагиваем очень большие или очень малые величины, то физические единицы измерения нас подводят. Особенно это заметно, когда в одном случае мы измеряем только сечения, а в другом – только линейные следы какого-либо космоса.

Более того, несмотря на математический интерес этой пространственно-временной формулы, на практике она чрезвычайно неуклюжа и трудна для использования. Если такое универсальное отношение между размером и длительностью действительно существует, оно должно проявлять себя и каким-то простым, не математическим образом, который можно проверить обычными чувствами и наблюдениями. Ведь математика – это всего лишь способ формулирования законов с помощью одной способности интеллектуальной функции; все истинные законы могут быть так же хорошо поняты и другими функциями человека, их *собственным способом*.

Ключ к этому более простому пониманию нами уже найден. Мы сказали, что *время создано вращением вокруг жизненного центра высшего мира*. Если мы сумеем открыть те жизненные центры, вокруг которых вращаются различные космосы, и узнать, сколько времени им на это требуется, то мы получим средство для того, чтобы сравнить скорости их жизни совершенно просто и прямо, без помощи формул.

Итак, у нас есть два метода оценки их относительных времен и сроков жизни, и мы можем использовать оба как взаимодополняющие. В одном случае убедительнее будет один из них, в другом – другой. Давайте с их совместной помощью исследуем космосы, лежащие вблизи нас, – одну клетку внутри человека, одного человека в мире природы, мира природы в сфере Земли.

Во-первых – отдельный *человек*, наиболее нам знакомый и самый легко измеримый образец. Каждый человек в буквальном смысле вращается вокруг центра Земли, и это вращение занимает *один день*, его естественный период сна и бодрствования, отдыха и работы.

Обращаясь к следующему меньшему космосу, если мы спросим, например, вокруг чего вращается клетка крови, то можно сказать определенно, что вокруг сердца. И если рассмотреть, что соответствует ее периоду обращения, то обнаружится очень интересная аналогия. Любая отдельно взятая клетка крови тратит от 8 до 18 секунд на то, чтобы «сделать свою дневную работу», то есть пройти от сердца до удаленных частей тела, сбросить груз кислорода и вернуться с двуокисью углерода. Затем ей требуется еще 6 секунд на восстановление, то есть на прохождение от сердца через легкие и обратно. Это точно соотносится с циклом работы и сна у человека. Если мы возьмем для удобства 12 секунд работы и 6 секунд отдыха для одной *клетки крови*, то получим *день* из 118 секунд и, следовательно, *жизнь* из 6 *дней*.

Если теперь мы применим совершенно другой метод – нашей кубо-квадратной формулы – и сравним радиус красной кровяной клетки в $1/2500$ см с более точно известным радиусом человеческого тела в 1,3 м (от сердца до конечностей). Мы получим коэффициент размера, составляющий 325 тысяч и, следовательно, временной коэффициент, равный 4700. $1/4700$ часть жизни человека почти точно составляет 6 дней. Два наших метода подтвердили один другой, и мы с полным основанием можем считать это число более-менее верным.

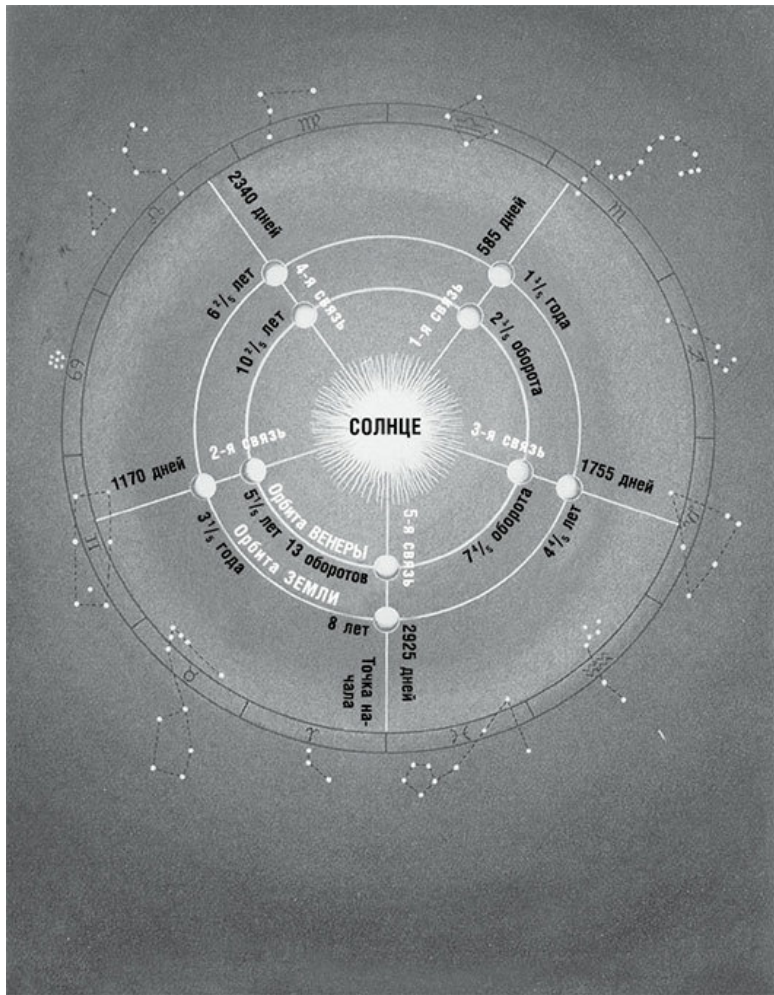

Рис. 5. Совпадения Венеры

Мы не имеем возможности на практике изучить вопрос ни о дне молекулы, ни о скорости, с которой она вращается вокруг своего центра. Но здесь нам на помощь приходит здравый смысл. Мы знаем, что, когда клетка крови проходит через легкие и насыщается кислородом, это означает разрушение и перестановку составляющих ее молекул. Каждый раз, когда клетка крови окисляется, ее молекулы «умирают» и «рождаются заново». Поэтому *день* клетки крови, или 18 секунд, должен точно соответствовать *жизни* составляющих ее молекул. И соответственно, *день молекулы будет длиться не более 11/1500 секунды*.

Переходя к следующему большему космосу над человеком – природе (то есть всей органической жизни на Земле), мы сталкиваемся с очень странной ситуацией относительно ее центра, поскольку в действительности различные аспекты этой органической жизни вращаются вокруг разных центров. В своей совокупности природа предстает перед нами как чувствительная кожа, почти не имеющая толщины, покрывающая всю поверхность Земли. Но на самом деле она составлена из четко отделенных друг от друга «царств», каждое из которых в буквальном смысле вращается вокруг отдельной планеты, которая им управляет в соответствии со своим синодическим периодом. Так что мы можем сказать, что природа как целое совершает полный оборот только то-

гда, когда вновь становится в те же самые отношения со всеми центрами, вокруг которых она вращается, то есть со всеми главными планетами. Позже мы увидим, что такой полный цикл планетарных влияний, в течение которого природа «делает свою дневную работу», как мы говорили о клетке крови, составляет период около 77 лет. И это, в свою очередь, будет связано со старинными идеями о том, что вся *жизнь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.